

Старейшему нижегородскому журналисту, краеведу, писателю, старшему товарищу, коллеге и наставнику Вячеславу Вениаминовичу Фёдорову

1.

Поиском земляков, пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, Кирилл Железовский занимался уже год. Конечно, исследовать электронные архивы и форумы волонтеров с целью обнаружить там вновь открывшиеся факты—это не самому раскапывать траншеи и блиндажи посреди болот под проливным дождём, но труд тоже кропотливый, требующий определённых знаний, терпения и чутя настоящего охотника. Стоит заметить, что многие пропавшие числились таковыми лишь по причине затерявшихся в бюрократическом омуте бумаг. Учётная документация 1940-х, постепенно рассекречиваемая и переводимая Министерством обороны в цифровой формат в свободном доступе, стала проливать свет на многие тёмные страницы войны. Хотя эти разрозненные сведения пока ещё рассеяны по просторам Интернета, и чтобы их собрать, нужно хорошо ориентироваться в хронологии сражений, в номерах и наименованиях войсковых частей—словом, понимать, где и что конкретно искать.

Памятник на центральной улице посёлка Волчий Овраг хранил десятилетиями имена мужиков, ушедших отсюда на фронт, но так и не вернувшихся домой. Увы, судьба далеко не всех была устроена. Кто-то, вероятно, сгинул в фашистском плену, кто-то не смог выйти из окружения, пробираясь к своим, чьё-то тело засыпало чернозёмом в дьявольском смерче вражеского артобстрела. И вот ровно год назад на одного пропавшего без вести солдата в Волчьем Овраге стало меньше. Год назад Кирилл Железовский открыл свой счёт возвращённых имён. Всё началось с прадеда Светы Измайловой—с Василия Прокоповича Жаркова.

Однако тут нужна небольшая предыстория. Кирилл начал встречаться со Светланой прошлым летом. Была она на пару лет его младше и только только окончила среднюю школу. К тому времени сам он уже успел отслужить на флоте—на Тихом океане—и, вернувшись в посёлок, подумывал о поступлении в институт, на историко-филологический факультет. История и литература

у Железовских были в чести. Папа—Анатолий Фёдорович—работал терапевтом в поселковой больнице и, как истинный представитель провинциальной интеллигенции, вернувшись с дежурства, предпочитал книгу вечерним посиделкам у телевизора. Читал преимущественно психологическую прозу, мемуары и исторические романы. Чтение напоминало ему осмотр пациента, когда подмечаются еле уловимые симптомы и уже по ним определяются особенности организма и возможные патологии, ну а дальше—пути профилактики или лечения. Этот метод познания касался и художественных образов, и описываемых эпох, так как в обоих случаях для вынесения вердикта требуется тщательная диагностика.

Мама—Лариса Сергеевна—заведовала библиотекой и считалась в семье настоящим лоцманом в бескрайнем море прозы и поэзии. По возможности она приносила своим мужчинам что-нибудь почитать, если в книжные фонды приходило пополнение. Особое внимание уделяла развитию сына, не пытаясь что-то навязывать, но чутко реагируя на смещение его интересов. Обнаружила симпатию к фильмам ужасов—в доме появились Лавкрафт, По и Кинг, почувствовала склонность к самокопанию—подсунула Кафку, Набокова и Цвейга, уловила радикальный юношеский максимализм—настал черёд Достоевского. Попадаясь на эти провокации, Кирилл с ранних лет привык воспринимать литературный текст как множество дверей, пространство за которыми при длительном проживании постепенно обретает очертания собственной комнаты. Впрочем, такое воспитание пытливости ума имело и побочный эффект—самонадеянность и, как следствие, упрямство.

К концу школы и того, и другого в юноше хватало с избытком, но родители старались сохранить свою пусть конституционную, но всё-таки монархию. Кирилла готовили сначала в медики, на чём настаивал отец—мысль о семейной династии грела его достаточно честолюбивую душу, потом в инженеры, так как мама в техническом образовании видела наиболее широкие перспективы в век развития высоких технологий.

—Станешь инженером, грамотным специалистом—будешь жить в большом городе, получишь престижную должность на каком-нибудь

производстве, а то в нашем Овраге только и дел-то — по-волчьи выть, более-менее приличного места уже не найдёшь, — говорила сыну Лариса Сергеевна.

Но чайная родителей не сбывшись, Кирилл был тогда слишком юн, чтобы глядеть в будущее настолько прагматично, да и дворовая компания влекла совсем в иную сторону. Увы, с годами в тесной комнате обживаемого пространства стало слишком много запертых дверей, вот и возникла блажь воспользоваться распахнутым окном. Ромыч, Пафнутий, Серёга Мякишев — школьные друзья — спешили поскорее стать взрослыми, хотя критерии взрослости видели только в отмене всяческих запретов. И всё же для Кирилла это было свежо, смело и потому соблазнительно. Однако жизнь молодого нигилиста кажется яркой и увлекательной лишь до того момента, когда все шлагбаумы уже сломаны и всюду зияет пропасть. В каком-то смысле от падения в неё спас призыв в армию. Командир тральщика в короткий срок не только вернул приоритет обязанностей над правами, но и сформировал волевой стержень, на который к концу службы старшина второй статьи Железовский сумел нанизать свой тонкий, но на поверку бесформенный внутренний мир. Вернувшемуся домой Кириллу показалось, что вот именно сейчас он, наконец, и стал взрослым. Любовь же, внезапно встреченная им где-то на перепутье поселковой молодёжной жизни, дополнила это ощущение недостающим светом. Впрочем, её и звали Светой.

Вчерашний моряк готовился к поступлению в вуз, а чтобы иметь средства к существованию устроился корреспондентом в районную газету «Земля людей». Когда-то в школе Кирилл был признанным мастером сочинений, да и стенгазеты из-под его пера выходили по-репортёрски хлёсткими. Став журналистом, он начал писать репортажи и очерки о местной жизни, попутно увлёкся краеведением, историей Волчьего Оврага. Отдельным циклом у него шли рассказы про участников Великой Отечественной войны. Увы, среди ветеранов в живых остался на тот момент только Кузьма Петрович Синицын, воевавший совсем мальчишкой в партизанском отряде где-то в Белоруссии. Интервью с ним получилось увлекательным и вызвало немало откликов. Ну а про тех, кто уже ушёл в мир иной, вспоминали их родственники, подкрепляя воспоминания фотографиями из семейных архивов и подлинными письмами с фронта. И тут Светка рассказала о своём прадеде — Василии Прокоповиче, о котором известно было лишь то, что он пропал без вести где-то под Ржевом.

— Знаешь, я тут недавно опробовал пару сайтов, где собраны тысячи документов о погибших в войну; может, там и про твоего прадеда что-то есть, — сказал Кирилл, включая ноутбук.

— Ой, ладно тебе, прабабушка до самой своей смерти искала его могилу, сотни инстанций обошла, да так ничего и не выяснила...

Но новичкам, как известно, везёт. Едва Кирилл ввёл искомые фамилию, имя, отчество и дату рождения, как на мониторе высветилась учётная карточка одного из фашистских концлагерей. Наши «особисты», разбиравшие после войны трофейную документацию, здесь же, на бланке, карандашом оставили перевод всех надписей. По данным лагерной канцелярии выходило, что старшина пехотного полка Василий Жарков, попавший в плен под Ржевом летом 1942 года, умер от тифа в феврале 1944-го. Благодаря немецкой любви к порядку удалось обнаружить и фотографию Василия Прокоповича. Измождённое, но мужественное лицо русского солдата смотрело с чёрно-белого снимка, и казалось, что это взгляд нечаянно встреченной вечности. Из глаз Светы хлынули слёзы. Она сразу вспомнила прабабушку. Тамара Аркадьевна прожила длинную и не лёгкую жизнь, но её всё равно не хватило, чтобы отыскать прах мужа или хоть какой-нибудь след. Впрочем, любая тайна является таковой лишь по эту сторону бытия, где всё конечно, а потому — зыбко, призрачно и неуловимо. Но там — за гранью — хочется думать, все обретают то, что искали или заслуживали. Света верила в это, и слёзы её были от радости...

2.

Кирилл продолжал поиски бойцов, призванных на фронт из Волчьего Оврага. Раз за разом сбрасывал пелену забвения и восстанавливал судьбы солдат и офицеров. В «Земле людей» появились его очерки о стрелке-радисте дальней авиации, останки которого поисковый отряд обнаружил в новгородских лесах под грудой поржавевшего железа; об артиллеристе — участнике обороны Смоленска, чьё имя определили по номеру медали, полученной ещё за «финскую»; о бежавшем из плена пограничнике, погибшем в повстанческом отряде на территории бывшей Югославии, где более чем через семьдесят лет турист-соотечественник случайно наткнулся на его неприметную могилу с надписью на славянском языке. Факты, собираемые Кириллом по крупицам в самых отдалённых закоулках Интернета, становились обрётённой памятью посёлка Волчий Овраг. Те, кто в силу трагических и непреодолимых обстоятельств уже не мог заявить о себе, получили, наконец, право голоса и вернулись домой — если не в прямом смысле, так хотя бы воскрешёнными строчками биографии, а их семьи — восполнили пробелы, тяготившие десятилетиями. Однако последний случай для Кирилла стал особым — он вывел поиск из области военной истории в разряд очевидного, но совершенно невероятного...

Василий—старший брат Светланы—летом ездил с друзьями отдыхать на Кубань. Побывали много где, исколесили побережье Чёрного и Азовского морей вдоль и поперёк, прошли путь от кубанских степей до начала Кавказских гор. Однажды, когда остановились в тихой станице Тамань, смотрящей через Керченский пролив на Крымский полуостров, Вася случайно нашёл у берега алюминиевую ложку, на которой было что-то написано. В жаркий день хотелось искупаться, и тут нога нащупала на дне что-то небольшое и вытянутое. Слегка разрыв мелкую гальку, пальцы извлекли на свет, увы, не греческий наконечник копья, не генуэзское серебряное украшение, а обычную на вид ложку. Если бы не грубо нацарапанные на ней буквы—находка неминуемо бы отправилось обратно в море. Уже на суше, почистив потускневший от времени и влаги металл, Василий прочёл надпись: «Кирилл Железовский, 1941». Прочитав, ухмыльнулся: надо же—зовут в точности как сеструхиного парня. Дата говорила о том, что вещь эта, скорее всего, покоилась на дне со времён Великой Отечественной. Бои в здешних краях шли жестокие, о чём свидетельствовали многочисленные обелиски и остатки фортификационных сооружений. По возвращении Вася подарил ложку Кириллу.

— Не ты ли в Азовском море случайно утопил?— протянул он довольно странный подарок.

— Ничего себе,—разобрав имя и фамилию владельца, ответил Кирилл.—Надо бы, конечно, по базам пробить, вдруг по нему что-то есть.

— Давай-давай, следопыт,— не зря же я эту штуку сюда вёз. Мне самому интересно, кем был этот человек и какова его судьба.

В электронном архиве Министерства обороны среди военных, безвозвратно выбывших из списков войсковых частей, оказалось трое Кириллов Железовских, но внимание сразу привлёк тот, что пропал без вести в сентябре 1942-го,—матрос Черноморского флота, боец отдельного батальона морской пехоты. Безусловно, владельцем ложки был именно он. Как раз в этот период фашисты захватили Таманский полуостров, в ожесточённой и неравной борьбе сломив последнее сопротивление его защитников. Информацию Кирилл почерпнул из найденных воспоминаний уцелевших участников тех сражений. Морпехи—преимущественно набранные из экипажей кораблей Азовской флотилии—обеспечивали тогда безопасность эвакуации нескольких тысяч бойцов и командиров на судах, подошедших к ещё свободному клочку берега. Стояли до конца, с лихвой доказав врагу, что не зря он нарёк их «чёрной смертью».

Более полные данные о матросе Кирилле Железовском содержал обнаруженный список потерь частей Черноморского флота. Первое, что поразило поисковика,—отчество: Анатольевич—то есть

полный тёзка. Полнее некуда. Вот ведь! Прямотаки мистика какая-то. Но это было ещё не всё. Дата рождения моряка—пятнадцатое июля 1919 года. Кирилл тоже родился пятнадцатого июля, только в 1997-м—ровно через семьдесят шесть лет, день в день. Цифры застыли в глазах. Всё никак не верилось в реальность открывшихся фактов. Оцепенение нарушил визит Светы. Она решил заглянуть по пути из магазина, ведь Железовские жили как раз в двух шагах от него.

— Ты сейчас обалдеешь от того, что я тебе покажу,—вместо приветствия выпалил Кирилл, открыв госте дверь.

— Звучит интригующе. Уж не пропавшую ли в войну Янтарную комнату ты там в Интернете обнаружил? Сайт гестапо взломал?

Но по лицу Кирилла было видно, что иронии он сейчас не готов воспринимать.

Рассказ о ложке, найденной близ Тамани, и о моряке—её владельце, чьи анкетные данные, кроме года рождения, практически полностью совпадают с данными Кирилла, действительно впечатлял. Но Света не спешила впадать в мистицизм, а попыталась найти логическую нить.

— Стоп! Смотри: видишь, у него место рождения—Ростов-на-Дону, а не посёлок Волчий Овраг, значит, различий-то всё-таки больше,—резонно заметила она.

— В том-то и дело, что родился я именно в Ростове-на-Дону,—Кирилл многозначительно поднял вверх указательный палец.—Папа учился в Ростовском медицинском университете и встретился с мамой—коренной ростовчанкой. После того как я появился на свет, отец по окончании вуза получил распределение в Волчий Овраг, и мы переехали.

— Ого, то есть вот так. Ну, тогда даже не знаю, как прокомментировать. Ты веришь в переселение душ?

— Погоди, это ведь ещё не все сюрпризы. Тут его домашний адрес и жена указаны: Будёновский проспект, 68/81, Светлана Фёдоровна Железовская. А ты же по батюшке—Фёдоровна.

— Ничего себе. Но её девичью фамилию мы всё-таки не знаем.

— Уверен, до замужества она носила фамилию Измайлова. К гадалке не ходи—Измайлова.

— Это уже твои какие-то тайные фантазии, Кирилл,—Света засмеялась.

— Мы, кстати, с ним оба на флоте служили. Представляешь? Между прочим, если уж всё так тютелька в тютельку сходится, то жить-то мне всего года два осталось. Тому Железовскому в роковом для него тысяча девятьсот сорок втором было двадцать три, мне недавно исполнилось двадцать один. А он наверняка погиб, тут и сомнений быть не может. Там такой ад царил, что море вскипало. Интересно, остались ли у него родственники—ну,

там, дети, внуки? Женился он, понятное дело, ещё до войны. Наверное, в моём возрасте.

— Это можно рассматривать как такое тонкое и ненавязчивое предложение? — Света заговорщицки сощурила глаза.

— Перечить судьбе — бессмысленно, — Кирилл ответил таким же лукавым взглядом.

— А насчёт смерти ты брось — ничья судьба не predetermined, — и, чтобы поставить точку, не дав теме развиваться, Света нежно поцеловала Кирилла, так что из мрачных фаталистов он быстро и с большим удовольствием вернулся в ряды романтиков.

3.

И всё же необходимо было проверить, остались ли в Ростове-на-Дону Железовские. В соцсетях ростовчан с такой фамилией оказалось человек пять. На вопрос: «Не приходится ли вам родственником Кирилл Анатольевич Железовский 1919 года рождения?» — трое ничего не ответили, а двое сказали, что в их семье таких нет. Нынче в сети многие заняты поиском информации о своих корнях, пытаются разыскать следы предков, поэтому логично было бы предположить, что и пропавшего без вести морпеха кто-нибудь ищет. Кирилл снова начал бродить по Интернету. Между делом наткнулся на Книгу памяти Ростовской области, куда было вписано и имя Железовского, а также обнаружил его в списке погибших защитников Таманского полуострова. И вот когда, казалось бы, все доступные возможности были исчерпаны, на одном из форумов всплыло сообщение: «Ищу сведения о своём отце — Кирилле Анатольевиче Железовском, моряке Черноморского флота». Автором была некая Екатерина Кирилловна Соболева из Санкт-Петербурга. Из её довольно объёмного текста следовало, что в семье существовала версия о гибели Кирилла Анатольевича где-то под Новороссийском в ходе масштабной битвы за Кавказ.

Версия строилась на том, что непосредственный начальник Железовского — командир 305-го отдельного батальона морской пехоты майор Цезарь Куников, впоследствии посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза, — осенью 1942 года, пополнив своё поредевшее подразделение, сражался на тех самых рубежах. О подвиге морпехов и их легендарного комбата написано немало. Все доступные литературные источники Екатерина Кирилловна проштудировала до мельчайших деталей, но даже мимолётного упоминания о своём отце в них обнаружить не смогла. Это было немудрено — в батальоне числилось несколько сотен бойцов.

Кирилла воодушевила такая неожиданная удача. Ему хотелось поскорее рассказать дочери героя про найденную в Тамани ложку и договориться о передаче ей этой семейной реликвии, но тут же представил, как сообщит Екатерине Кирилловне

свои имя, фамилию и отчество. Со стороны это показалось бы злой шуткой, и неизвестно, как пожала женщина отреагировала бы на такое подозрительное совпадение. Пришлось попросить Свету помочь выйти из щепетильной ситуации.

Светлана согласилась, тут действительно требовался тонкий подход, а возвращение частички памяти о чьём-то отце и ей казалось священной миссией. Ах, если бы в своё время прабабушка — Тамара Аркадьевна — дождалась подобного момента после десятилетий тщетных попыток узнать хоть что-нибудь о своём муже. Нельзя медлить, никак нельзя. Сев за компьютер и найдя нужную страничку на форуме, девушка написала письмо петербургскому адресату:

«Уважаемая Екатерина Кирилловна, здравствуйте! Пишет Вам Светлана Измайлова из посёлка Волчий Овраг. Случайно наткнулась в сети на Ваш пост про отца и очень обрадовалась тому, что волею судеб, кажется, могу Вам помочь. Недавно мой брат с друзьями отдыхал на Таманском полуострове и на морском берегу в районе станицы Тамань обнаружил алюминиевую ложку, вероятно, времён войны. По крайней мере, на ней был нацарапан год — 1941-й. А ещё имя и фамилия владельца — Кирилл Железовский. Так же звали и Вашего отца, который, как следует из рассказа, воевал в тех краях. Мне бы очень хотелось передать Вам эту именную ложку, она, возможно, станет ниточкой, ведущей к разгадке тайны судьбы Кирилла Анатольевича. А если нет, то хотя бы послужит вещественной памятью о нём. Сообщите мне свой домашний адрес, чтобы я могла поскорее отправить Вам дорогую находку».

Ответ пришёл буквально на следующий день. Был он, как и предполагалось, очень эмоциональным.

«Светлана, милая, здравствуйте! Вы не представляете, насколько Ваше сообщение потрясло меня. Я своим глазам поверить не могла, перечитывала письмо несколько раз подряд. Знаете что? У меня возникло к Вам предложение, хотя оно может показаться несколько поспешным и прямолинейным. Не могли бы Вы приехать ко мне в гости? Я живу одна в большой квартире практически в центре Петербурга. Если у Вас есть муж или молодой человек, можете взять его с собой. С удовольствием предоставлю отдельную комнату на столько дней, на сколько захотите. Посмотрите город, я покажу интересные места... Мне необходимо встретиться с Вами лично, посмотреть на Вас, пообщаться. Совсем недавно освоила компьютер, не знаю, поэтому ли путаюсь в клавишах или всё-таки от волнения. Я ведь родилась, когда папа уже был на фронте. Он ни разу в жизни так и не поддержал меня на руках. А тут... Уж и не надеялась. Я не уверенный человек, но мне кажется, что Вы посланы мне небом. С нетерпением буду ждать ответа».

Светлана показала переписку Кириллу, нужно было что-то решать.

— Ты хотела бы поехать? — спросил он.

— Знаешь, я никогда не была в Питере.

— Я тоже...

— Эта женщина, судя по всему, очень одинока. Для неё поиск сведений об отце, возможно, последний живой узелок, связывающий с тем, что когда-то было семьёй. Меня почему-то тоже тянет к ней, будто и я пытаюсь что-то найти, а потому цепляюсь за любую руку, протянутую навстречу. — Свет, тогда я покупаю билеты. Как ты понимаешь, для меня эта встреча имеет ещё более сакральный смысл. Это в некоем роде путь к самому себе через неожиданно обретенных посредников. У меня такое ощущение, что в Питере должно произойти нечто важное.

Светлана сообщила Екатерине Кирилловне, что едет к ней со своим молодым человеком — Кириллом. Та выразила искренний восторг и прислала домашний адрес. С этой минуты указанный в нём знаменитый Лиговский проспект стал продолжением линии судьбы, роль которой на время пути в Питер взяла на себя железная дорога...

4.

В Санкт-Петербурге стояла дождливая погода. Город предстал в точности таким, каким Кирилл знал его по книгам Гоголя и Достоевского, — русской Венецией, где чёрный от влаги гранит вбирает жар человеческих сердец, чтобы отогреться, Северной Пальмирой, где величественная архитектура зовёт раствориться в ней без остатка, пока ты сам — словно сошедшая с постамента статуя из Летнего сада — не попросишь участливого тепла.

Не хотелось обременять Екатерину Кирилловну хлопотами, связанными со встречей на вокзале, к тому же на Лиговку иногороднему можно легко попасть даже с минимальным знанием карты. Дом, где жила дочь защитника Тамани, оказался старой постройки — имел вместительные подъезды, широкие лестничные клетки, высокие потолки. Дверь, за которой хозяйка ждала гостей из глубинки, тоже соответствовала представлениям о дореволюционном быте — деревянная, массивная, терпко пахнущая мебельным лаком.

Когда дверной звонок закончил свою приглушённую трель, по ту сторону — в прихожей — послышались шаркающие шаги, а потом щёлкнул замок. Створка полуоткрылась, и на пороге появилась благовидная старушка. Жизнь в большом городе, по всему, приучила её к соблюдению элементарных мер безопасности, поэтому в возникшем проёме из-за стальной цепочки сначала показалось только лицо.

— Здравствуйте, Екатерина Кирилловна. Я — Света из Волчьего Оврага, а это — Кирилл, — Светлана пыталась казаться максимально вежливой и учтивой.

— А, батюшки! — воскликнула старушка. — А я-то думала, это опять из какой-нибудь фирмы пришли с очередным специальным предложением. Ради Бога, простите, Светочка! Проходите скорее в дом.

Дряблые худые пальцы сняли цепочку, и дверь широко распахнулась. Квартира оказалась очень просторной и уютной. В ней не было никаких предметов роскоши, и всё же интерьер стремился к аристократизму благодаря строгому вкусу и единообразию незатейливых предметов, расставленных с шахматной аккуратностью. Разве что выдавший виды буфет на правах антиквариата добавлял необходимого веса всей композиции. — Вы, наверное, очень устали с дороги и успели проголодаться. Сейчас будем пить чай, — Екатерина Кирилловна предоставила гостям тёплые тапки, проводила в отведённую комнату и отправилась хозяйничать на кухню.

Чаепитие организовали в зале, рассевшись за приземистым круглым столом на рассохшихся стульях, поскрипывающих при каждом движении. Конечно, в такой консервативной и камерной обстановке был бы уместен какой-нибудь блестящий самовар, с генеральской выправкой командующий фарфоровым и сдобным парадом, но внутренняя тяга пространства к ретро всё же находилась в зависимости от напористой современности, поэтому чай оказался в пакетиках, а вместо свежей выпечки на блюде лежали вафли и печенье из супермаркета.

Екатерина Кирилловна, делая очередной медленный глоток из белой чашки, изучала украдкой своих гостей, робко прячась за поднесённую ко рту руку с горячим напитком. Едва уловимое облачко пара поднималось перед её уже выцветшими глазами и через мгновение таяло, оставляя пристальный взгляд один на один с действительностью. Излучающее какой-то глубинный свет лицо сразу расположило к себе. Кирилл и Света будто вернулись в раннее детство, когда всякая добрая сказка непременно должна была звучать вот таким же бархатным голосом, вселяющим чувство защищённости.

— Екатерина Кирилловна, мы привезли вам ту самую ложку, — переходя к делу, Кирилл бережно извлёк реликвию из импровизированного чехольчика и протянул той, кому она принадлежала по праву.

Как ни силилась старушка, но слёз сдержать не смогла. Трясущимися от волнения руками она взяла ложку, пытаясь прочесть заветную надпись, а когда, наконец, это у неё получилось, прижала её к сердцу, прикрыла глаза и тихонько заплакала.

Кирилл и Света сидели молча. Воздух вокруг застыл, часы остановились, и только электрический чайник на подоконнике продолжал бурлить, оставаясь частью реальности. Через несколько секунд Екатерина Кирилловна снова открыла глаза.

— Спасибо вам огромное, ребятки мои,— голос её дрожал.— Даже не знаю, как вас благодарить. Я никогда не знала прикосновений своего папы, а теперь у меня в руках ложка, помнящая тепло его пальцев. Выходит, через неё мы наконец-то смогли притронуться друг к другу...

5.

Во второй половине дня все трое пошли к Обводному каналу просвежиться. По пути обратно заглянули в Воронежский сад. Августовские дожди немного схлынули, и появилась прекрасная возможность посидеть на лавочке в тени деревьев. Правда, найти свободное место оказалось непросто из-за обилия праздной молодёжи, которая, как птичьи стайки, облюбовала практически каждую свободную жёрдочку. Сад открыли сравнительно недавно, долгое время он находился в запустении, но Екатерина Кирилловна уже успела сделать доброй традицией приходить сюда, чтобы в этом маленьком оазисе дать волю воспоминаниям и покормить городских птиц. Птицы—они же сами как воспоминания: дай им хотя бы кроху того, что осталось, и они слетятся к тебе, а насытившись, вспорхнут и исчезнут в небе, в которое ты потом ещё долго будешь смотреть...

— Моя единственная дочь, наш поздний ребёнок,— Галина—погибла совсем молодой, не успев ни повзрослеть, ни познать любви, ни ощутить счастья материнства,— сказала, будто выдохнула, Екатерина Кирилловна, бросив голубям очередной кусочек батона.— Сбила насмерть машина, прямо на углу нашего дома. Муж—коренной петербуржец, привёзший когда-то меня в этот прекрасный город,—много лет переживал трагедию, не в силах смириться с ней, и в конце концов занемог. Его тоже давно нет со мной рядом. Не раз думала уехать отсюда. Одиночество сводило с ума. Но куда я уеду, если тут навсегда остались они? Бывает, кормишь птиц, а какая-нибудь одна, с виду неприметная, вдруг начинает смотреть как-то по-особому, будто прямо в душу, не спеша примкнуть к сородичам, делящим хлеб. И ловишь себя на мысли: да ведь это Галочка—мой Галчонок. А в следующий раз нет-нет да начнёт в ближайшей кроне о чём-то ворчать ворон. Ну это точно Аркаша—вечно был чем-то недоволен. Правда, когда умирал, сделался каким-то просветлённым, словно осенний лес. В своё последнее утро неожиданно произнёс: «Прости меня, Катя, за то, что ты так редко улыбалась». А вот теперь стала явственно чувствовать и присутствие папы. Вон тот серый голубь—вероятно, он. У меня осталась единственная доменная фотография Кирилла Анатольевича, где он с такой же слегка горделивой осанкой смотрит вполоборота. Кстати, Кирилл, мне показалось, у вас тоже есть общие черты, я обязательно покажу этот снимок. Надо же, вас и зовут одинаково...

— Екатерина Кирилловна, даже не знаю, как вам объяснить, не посчитайте, умоляю, что это какой-то розыгрыш,— Кирилл понял: настало время открыться.— Видите ли, я не просто тёзка вашего отца. Моя фамилия тоже Железовский, и отчество моё—Анатольевич. Родился я, как и он, пятнадцатого июля. И появился на свет, между прочим, тоже в Ростове-на-Дону. Я не знаю, что это—совпадение, редкое стечение обстоятельств или мистика. По правде говоря, отправляясь в Петербург, надеялся найти здесь ответы. Надежда до сих пор теплится, и каким-то шестым чувством ощущаю близость разгадки. Простите меня, если чем-то оскорбил вас и память вашей семьи... Понимаю, всё это выглядит нелепо, абсурдно и даже некрасиво. Простите меня за то, что я тоже—Кирилл Железовский. Так совестно—будто украл чужое имя... Несколько лет я занимаюсь поиском пропавших без вести во время Великой Отечественной войны, но в данном случае это даже не поиск, это уже что-то совсем другое...

Екатерина Кирилловна замолчала. В её глазах дрожала то ли слеза, то ли само питерское небо. Она как-то по-матерински бережно взяла Кирилла за руку, а потом мягко улыбнулась. По уголкам улыбки скатилось несколько маленьких капелек.

— Я знала, я была уверена, что будет какой-то знак,— сказала она.— Три месяца назад я впервые посетила храм Покрова на улице Боровой. Эта церковь с очень тяжёлой судьбой, но, несмотря на то, что она сейчас находится фактически в руинах, там идут службы. На одну из них попала и я. Как-то сразу привлекла меня икона святого мученика Вонифатия с частицей мощей. По преданию, был он рабом у богатой римлянки Аглаиды, с которой состоял в беззаконном сожительстве. Оба они чувствовали за это вину перед Богом и хотели снять с себя грех. Такая возможность им была предоставлена свыше. Вонифатий отправился на Восток, где происходили жестокие гонения на христиан, чтобы привезти оттуда мощи какого-нибудь мученика и тем самым очистить себя и хозяйку. Аглаида осталась ждать. Но только в виде мощей вернулся сам раб, приняв мученическую смерть за Христа. Стоя у этой иконы, вспомнила я об отце и о десятках тысяч других сгинувших на войне. Где-то в неведомой земле лежит родной мне прах, прах человека, принявшего мученическую смерть за свою Родину, за свой народ. Попросила я у Вонифатия успокоения души моего папы, а также всех павших, и скорейшего возвращения из безвестности. И вот молитвы, кажется, услышаны. Да ещё и чудо явлено...

— Похоже, начинается дождь. Екатерина Кирилловна, думаю, лучше вернуться домой,— Света подставила раскрытую ладонь навстречу первым дождинкам и почувствовала их лёгкие, но зябкие уколы.— Хотелось бы сказать от себя: мы очень

рады, что приехали к вам. Лично во мне здесь что-то переменялось, словно дыхание, будучи врождённым рефлексом, стало вдруг осмысленным. Я ощутила себя вовлечённой в какое-то доброе волшебство...

Екатерина Кирилловна снова улыбнулась, но теперь её улыбка была не трогательным изумлением, не птицей, вспорхнувшей от внезапного выстрела, а светлой радостью долгожданного обретения. Три фигуры, будто пытаясь раствориться в остывающем воздухе, выплыли из Воронежского сада. Дождь деликатно подождал, пока они окажутся внутри старого петербургского подъезда, и только потом разошёлся в полную силу.

6.

На выцветшем от времени снимке Кирилл Железовский 1919 года рождения казался несколько старше своих лет. Впрочем, в этом особенность всех фотопортретов из уже минувших эпох. Вряд ли дело в допотопности оборудования, просто суровая, а порой даже жестокая реальность заставляла людей быстрее взрослеть. Хорошо это или плохо — нельзя сказать однозначно. С одной стороны — каждый сызмальство приобретал хватку, а с другой — прерванное детство делало жизнь если не хронологически, то как бы качественно короче.

Кирилл всё пытался примерить на себя черты этого парня, навсегда оставшегося двадцатитрёхлетним. Действительно ли похож? Снимок был довольно размытым, потому сопоставить мельчайшие подробности не представлялось возможным. Длинный нос — вроде такой же. Большие глаза, тонкие губы, тёмные волосы. Всё так, но уж как-то слишком общо — будто ведёшь интуитивные игры с фотороботом.

— Свет, как ты считаешь, мы с ним похожи?

— Родинка...

— Что родинка?

— Разве ты не заметил родинку на его правой щеке? У тебя в точности такая же.

И правда, ища портретные сходства, Кирилл упустил из внимания столь очевидную деталь. Впрочем, могут ли идентичные родинки быть признаком кровного родства? Родинки по воле причудливой генетики появляются где угодно, а значит, возможны случайные совпадения, как при раскладывании пасьянса.

— Свою фамилию папа получил в детском доме; в стране, пережившей Гражданскую войну, царила беспризорность, — раздался голос Екатерины Кирилловны, вернувшейся из кухни, откуда она принесла запахи почти уже готового ужина. — Трудиться он начал с ранних лет. Был и разнорабочим, и посыльным, и сторожем, пока не устроился кочегаром на буксир. Попутно начал писать заметки в местную «Морскую газету», обнаружив в себе талант журналиста. Встретил мою маму,

и вскоре они поженились. А потом началась эта проклятая война. Папу мобилизовали, призвали в Азовскую флотилию Черноморского флота. К середине осени сорок первого немцы подошли к Ростову. Я родилась уже в эвакуации — в Нижнем Новгороде, тогда он назывался Горьким. Мы прожили там практически до самой победы, но я мало что помню — слишком маленькая была. Пожалуй, только широкую Волгу да возвышающуюся над ней красную крепость Нижегородского кремля. Вероятно, лишь такие яркие и масштабные образы способны остаться в новорождённом сознании. — Вы знаете, Екатерина Кирилловна, а я ведь тоже служил в Военно-морском флоте и тоже пишу в газету, — произнёс Кирилл, продолжая держать в пальцах фотографию. — Всё-таки никак не могу привыкнуть к этим мистическим параллелям и пересечениям.

— Это не мистика, это закономерное движение времени по кругу. Я сама теперь будто вернулась к отправной точке, успев появиться за несколько мгновений до того, как неведомая рука толкнула скрипучее колесо и оно, сделав оборот, остановилось посреди мерцающей пустоты. И вот передо мной Кирилл Железовский. Как же ты не поверить, что он — мой папа, которого никогда не видела, ведь он такой, каким я его всю жизнь и представляла, — молодой и влюблённый. Даже Света рядом кажется похожей на мою ещё юную маму, ушедшую в мир иной в две тысячи первом. Её, между прочим, тоже звали Светланой. Когда ждала вашего приезда, всё крутила в уме: ко мне едут Света и Кирилл — как же замечательно это звучит. Словно возвращаюсь домой — в утраченное детство, а точнее, наоборот — оно ко мне само возвращается.

— Екатерина Кирилловна, кажется, вот только теперь ко мне стало приходить истинное понимание сути всей этой поисковой работы: мы ищем не просто пропавших без вести, мы в какой-то степени каждый раз ищем и самих себя, — Кирилл задумчиво смотрел в окно, где в пасмурном пространстве тянулась грибница крыш, готовая кануть в подступающем мороке. — А найти себя, пожалуй, гораздо сложнее...

— Папа прожил короткую жизнь, не успев реализовать многие замыслы. Помешала война — жуткая катастрофа, столкнувшая в пропасть миллионы судеб. Он погиб ради того, чтобы грядущие поколения имели возможность воплотить в реальность то, чему на его веку не суждено было сбыться. Что ж, Кирилл Железовский снова вернулся в этот мир, имея, как мне кажется, шансы достигнуть любых поставленных целей.

Екатерина Кирилловна открыла дверцу буфета и начала перебирать бумаги в нижнем ящичке. Перебрав небольшую стопку, она извлекла из неё пожелтевший тетрадный лист, сложенный

в треугольник,— фронтное письмо. Протянула его Кириллу, и тот бережно— будто боясь стряхнуть со страниц золотую пыльцу времени— развернул его и начал читать:

«Здравствуйте, дорогие мои Света и Катя (ведь ты, дочка, должна была уже родиться)!

Со мной всё в порядке. Бьём фашистов, которые рвутся на Кубань, а дальше— на Кавказ. Нужно во что бы то ни стало их остановить. Азовское море уже под контролем врага. Теперь приходится драться на берегу, но моряки и в пешем строю— грозная сила. Скоро нам предстоит решительные сражения, из которых не всем выйти живыми. Что бы ни случилось, знайте: я вас очень сильно люблю! Как же я ненавижу эту проклятую войну, сколько она уже успела принести горя и сколько ещё принесёт. Я мечтал о многом. Мне хотелось работать на совесть, иметь уютный дом и большую семью. Хотелось выучиться, получить знания, достигнуть чего-то в жизни. Мне нравилось писать в газету, рассказывать о нелёгкой профессии кобелей и портовиков. Нынче же печатаю заметки в „Красном черноморце“ и „На страже“, один раз даже опубликовали в главной военно-морской газете страны „Красный флот“. Статьи эти, увы, не о созидании, не об открытиях, не о прогрессе человечества, не о людях мирного труда, а о жестоких боях и горьких утратах, о чёрном времени, когда смерть— единственное мерило судьбы. Но уверен: однажды всё это кончится, не может быть иначе. И тогда я вернусь. Вернусь к вам. Вернусь, чтобы продолжить начатое, чтобы снова радоваться жизни. Ждите и, пожалуйста, берегите себя!

Ваш Кирилл Железовский.

Август 1942 года, Темрюк».

— Писем за всю войну мама успела получить только три, это последнее,— Екатерина Кирилловна присела рядом с Кириллом за круглый стол.— Он сдержал слово— вернулся. И теперь обязательно всё успеет, всего добьётся... Я тут подумала и решила: ложка, найденная там, у Тамани, должна остаться у тебя, ведь на ней твои имя и фамилия. Только, прошу, не спорь со мной. Если вещь у хозяина— значит, он по-прежнему жив. Пусть она будет служить тебе напоминанием о своих обязательствах— обязательствах не растратить впустую щедро подаренную жизнь. Аркаша и Галочка со мной наверняка согласились бы, да и мама не была бы против— она до конца своих дней верила словам, сказанным в последнем письме отца...

7.

Целую неделю Кирилл и Света путешествовали по сказочному Петербургу и его живописным пригородам. Тщательно инструктируемые Екатериной Кирилловной, которая в силу возраста уже не могла присоединиться к многочасовым

прогулкам, они жадно поглощали пространства и расстояния. Величественный Зимний дворец, исполненные холодной строгостью Петропавловская крепость и Кронштадт, уводящий, кажется, в другое измерение Невский проспект, пушкинское Царское Село, барочный Петергоф, таящая призраком Павла Первого Гатчина— всё это вобрало в себя красочное полотно впечатлений.

— Как же нам теперь возвращаться в свой маленький Волчий Овраг из такого-то Зазеркалья?— шутиливо спросила Света, облокотившись о перила Дворцового моста над Невой.— Мне ведь теперь всего этого великолепия будет жутко не хватать.— А как же речка Нуженка с её левым лесистым берегом и холмистым правым?— Кирилл озорно посмотрел на Свету.— А березняк вдоль дороги? А Кузьминское озеро? А заливные дуга? С другой стороны, всегда можно сюда вернуться, мы свободные люди, и по большому счёту весь этот мир— наш. Между прочим, я обещал Екатерине Кирилловне, что в следующем году мы её обязательно навестим.

— О, это было бы очень здорово. За последние дни родным успел стать не только город, но и она тоже.— А ещё я обещал ей, что успею сделать одно важное дело до отъезда из Петербурга.

— Какое дело?

— Света, мы с тобой уже достаточно давно знакомы, и, как мне кажется, между нами возникло настоящее чувство. Мне трудно сейчас формулировать мысли, потому что я сильно волнуюсь. В общем... Выходи за меня замуж. Вот... Считаю, что лучшего места для подобных признаний и вообразить было бы сложно. Ну что, согласна?

— Кирилл, скажи, а может, всю эту запутанную мистическую историю ты придумал лишь для того, чтобы привезти меня в Петербург и в его изысканных декорациях предложить мне руку и сердце?— на лице Светланы сияла ослепительная улыбка.— Знаю, что нет, но я бы с удовольствием поверила— очень уж романтично.

— Так ты согласна?

Света приблизилась к Кириллу, взяла за руки и пристально посмотрела в глаза. Потом прижалась обветренной щекой к его груди и произнесла:

— Да, конечно же, да.

Екатерина Кирилловна проводила гостей до Московского вокзала. Расставаться ей очень не хотелось, и она наслаждалась последними минутами. Скоро вновь вернётся одиночество. Впрочем, нет— многое успело измениться. Теперь уже не будет как раньше— в темноте забрезжил свет, и жизнь опять обрела очертания.

— Кирилл, ну так ты всё успел сделать, что запланировал?

— Абсолютно всё, Екатерина Кирилловна, спасибо вам огромное!

— Молодец! Точнее, оба вы молодцы!

В глазах старушки появился огонёк, которого прежде Света у неё не замечала. Тем временем диспетчер объявил о начале посадки на поезд. Настала пора прощаться. Екатерина Кирилловна по очереди обняла каждого, а когда ребята, подхватив дорожные сумки, направились к вагону, украдкой перекрестила их. Долго ещё стояла она на перроне, мысленно мчась следом вдоль железнодорожного полотна, уводящего далеко на восток—туда, где течёт неспешная речка Нуженка и отражает бездонное небо Кузьминское озеро.

По дороге обратно нужно было зайти в храм Покрова, чтобы поставить свечку святому мученику Вонифатию, да и две другие святыни нельзя было обделить вниманием—чудотворную икону преподобного Антония Дымского и икону преподобной Марии Гатчинской. Внутри тонко щемило от чувства, что сегодня все живые и мёртвые нуждаются в простой, но чистосердечной молитве за них.

Через три дня после свадьбы Кирилл наткнулся в Интернете на сообщение о том, что поисковый

отряд «Тамань» вблизи мыса Панагия, где располагалась когда-то артиллерийская батарея Керченской военно-морской базы, обнаружила останки трёх краснофлотцев. У одного из моряков оказался посмертный медальон, из которого удалось извлечь свёрнутый бланк с учётными данными. Текст сильно пострадал от времени, но какие-то фрагменты удалось восстановить. Фамилия найденного предположительно Жилковский или Желтковский. «А может, Железовский?»—так и хотелось крикнуть Кириллу.

В акафисте святому мученику Вонифатию, о котором он собрал подробную информацию, сказано: «Благодать исцелений точащая мощи твоя егда к Риму приближахуся, Ангел Господень явися Аглаиде, глаголя: Бывшаго ти древле раба, ныне же нашего брата и сослужбника приими, якоже владыку, и упокой добре, да грехи твоя оставятся, той бо с нами ныне в Небесных поёт Всевышнему Богу: Аллилуиа». Эх, принёс бы ангел и в этот раз благую весть. Впрочем, нужно, чтобы не только в этот, а в отношении каждого, чей прах ждёт своего возвращения с той уже далёкой войны, ведь Екатерина Кирилловна молилась за всех...